

---

---

# СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В НОРМЕ И УЗУСЕ

---

---

УДК 811.133.1'373

## КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ БЛОКЕ ЛОЗУНГОВ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ\*

**С.Г. Шулежкова**

Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова  
*пр. Ленина, 38, Магнитогорск, Россия, 455000*  
*shulezkova@gmail.com*

**А.С. Макарова**

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет  
*ул. Новокузнецкая, 23/б, Москва, Россия, 115184*  
*aleste\_63@mail.ru*  
*mailto:df1bf@pstgu.ru*

В центре внимания авторов статьи — крылатые выражения (КВ) французского происхождения, которые вошли в интернациональный блок лозунгов современной Европы и России. КВ составляют 90% объектов крылатологии — дисциплины, сформировавшейся в 1990—2000-е гг. на базе лексико-графического описания слов и оборотов, отмеченных «печатью авторства», и развития фразеологии как науки о сверхсловных языковых единицах. Одна из важнейших проблем крылатологии — языковой статус КВ, выполняющих в речевом потоке предикативную функцию. Решению этой проблемы способствует анализ функционального потенциала КВ и их трансформационных модификаций в коммуникативном пространстве современной Европы и России. Благоприятным материалом для такого исследования оказались КВ-галлицизмы лозунгового характера, широко использующиеся в публицистике Старого света и в русском политическом дискурсе. Перешагнув границы Франции в транслитерированной или калькированной форме, эти КВ сохраняют черты французской культуры, «напоминают» о событиях, вызвавших их к жизни. Однако, варьируя своей структурой, играя разными гранями своей семантики, они свидетельствуют не только о своем национальном языковом статусе как КВ, но и о принадлежности к интернациональным КВ-лозунгам.

**Ключевые слова:** крылатое выражение, крылатология, лозунг, трансформация, интернациональный

---

\* Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а(м)).

## ВВЕДЕНИЕ

Крылатология, одна из самых молодых лингвистических дисциплин, в настоящее время находится в состоянии, которое отражает почти полуторавековой путь ее «вызревания» в рамках лексикографии. Несмотря на появление в конце XX — начале XXI в. монографических исследований (см. [Шулежкова 1995; Дядечко 2002, Chlebda 2005]), предопределивших ее статус как самостоятельной науки о языковых единицах, чьи значения отягощены памятью о породивших их источниках, описание крылатых слов (КС) и КВ в большинстве случаев остается в плену их «долингвистической» квалификации. КВ рассматриваются либо как цитаты, либо как реминисценции, либо как художественные произведения малой формы, либо как обычные безымянные фразеологизмы. Отсюда, с одной стороны, можно наблюдать стремление включать в разряд КВ любые формы отсылки к тексту-источнику. С другой стороны, даже в словарях с более строгим отбором КВ, действительно вошедших в языковую систему, составители ограничиваются комментариями, которые сводятся к указаниям о происхождении описываемых единиц и лаконичным замечаниям, касающимся значений КВ или обстоятельств их употребления.

В данной работе мы исходим из понимания КВ как языковых единиц, которые характеризуются пятью дифференциальными признаками: 1) связью с источником; 2) раздельнооформленностью; 3) воспроизводимостью; 4) устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключающей вариантности); 5) стабильностью семантики, закреплённой за данным оборотом в языковом узусе [Шулежкова 2002: 28—29].

Интернациональный фонд крылатых единиц (КЕ) современных языков Европы, а также государственного языка России, содержит немало КВ лозунгового характера. До недавнего времени этот пласт КВ не подвергался детальному лингвистическому анализу, что связано с историей становления крылатологии как особого раздела языкознания. Не случайно даже для самой дисциплины, изучающей языковые единицы, чья семантика отягощена «генетической памятью» о породившем их источнике, существует несколько наименований: *крылатология* (С.Г. Шулежкова), *эптология* (Л.П. Дядечко), *крылатика* (В.М. Мокиенко), *крылатистика* (А.В. Королькова), и др. То же касается и объектов крылатологии. Они обозначаются самыми разными терминами: *крылатое слово* (Г. Бюхман, Н.С. и М.Г. Ашукины, В.П. Берков и др.), *эпоним* (Л.П. Дядечко), *крылема* (В.М. Мокиенко), *интертекстема* (В.П. Сидоренко, В. Красных и др.).

Во Франции, как и в Англии, в отличие, например, от Польши и Германии, КВ как особые языковые единицы не изучаются, хотя они включаются во фразеологические справочники и словари. См., например, “*Dictionnaire des proverbes, sentences et maxims*” [Maloux 1960]; “*Citations de culture générale expliquées*” [Guédon, Sorez 2008]; “*Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises*” [Ashraf, Miannay 2010] и др. Лишь два справочника J.C. Bologne содержат единицы, близкие к КВ: “*Dictionnaire commenté des expressions d’origine littéraire. Les allusions littéraires*” [Bologne 1991] и “*Dictionnaire commenté des expressions d’origine biblique*”

[Bologne 1999]. Первый содержит *аллюзии* (термин Ж.К. Болонья) литературного происхождения, второй — библейские *аллюзии*.

Называя объекты крылатологии *крылатыми единицами* и деля их на однословные (*крылатые слова*, доля которых в общем фонде КЕ национальных языков равна примерно 10%) и сверхсловные (*крылатые выражения*), мы обращаем особое внимание на КВ, которые в коммуникативном пространстве ведут себя как самостоятельные предложения. Именно такие КВ долгое время не признавались составителями словарей языковыми единицами, что препятствовало их изучению и в рамках фразеологии, ставшей вкуче с лексикографией базой для возникновения крылатологии. Вот почему лишь в последнее время КВ лозунгового характера наряду с «безымянными» лозунгами стали объектом специального исследования (см. колл. монографии: [Шулежкова (гл. ред.) 2015; Вальтер (отв. ред.) 2016]).

Пути складывания интернационального фонда лозунговых КВ в языках Европы и России сложны, неоднозначны и проявляются в различных формах взаимодействия внутриязыковых тенденций и иноязычного влияния, которое основано на взаимовлиянии национальных культур. Ядром общеевропейского фонда КВ лозунгового характера стали античные обороты, но это ядро постепенно «обратало» КВ из языков народов, сыгравших существенную роль в истории Европы после распада Римской империи. Единицы французского происхождения занимают в интернациональном блоке КВ, способных выполнять лозунговые функции, не последнее место: они широко используются во всех ведущих языках Европы. В России КВ-галлицизмы обычно выступают в русском переводе: *Гвардия умирает, но не сдается; Каждый французский солдат носит в своем ранце жезл маршала; Народ, который не желает кормить свою армию, будет кормить чужую; Один за всех и все за одного; Мир хижинам, война дворцам!* и пр.

Частая употребительность КВ в самых прогрессивных и гибких информационных источниках, мгновенно улавливающих и отражающих все движения политической, социальной, культурной жизни, заставляет по-новому взглянуть на феномен «крылатое выражение» [Макарова 2016]. Анализ отечественной и зарубежной публицистики выявил тенденцию употребления КВ-лозунгов в сильной позиции текста, в том числе в заголовочной функции. При этом журналисты прибегают к различным видам комплексных приемов трансформации инварианта привлекательной языковой единицы. В качестве доказательства приведем примеры употребления трех лозунговых КВ-галлицизмов в европейских и отечественных СМИ — *Le roi est mort! Vive le roi!* (*Король умер! Да здравствует король!*); *Lliberté, égalité, fraternité!* (*Свобода, равенство, братство!*); *Je suis Charlie* (*Я — Шарли!*).

На базе средневековой формулы *Le roi est mort! Vive le roi!*, провозглашавшей в Средние века вступление на престол нового короля в связи со смертью предыдущего, журналисты создают множество трансформов. Они варьируют синтаксическую структуру КВ, заменяют привычные компоненты лексемами, далекими по семантике от их исходного значения; образуют неологизмы путем присоединения к исконным компонентам новых морфем или лексем; используют приемы компрессии, импликации, экспликации и т.д. Подобные трансформации нередко

приводит к изменению семантики инварианта. Чаще всего можно наблюдать комплексные приемы видоизменения хорошо известного КВ. Так, в 2011 г. в издании “Му Еурор” появилось сообщение под заголовком “*L’euro est mort: vive le neuro! Le neuro: un euro nordique et stable*” (‘Евро умер: да здравствует невро! Невро: нордический и стабильный евро’) [<http://www.myeurop.info>, 23.11.2011].

Здесь применен прием субституции (замена компонентов, называющих правителя, на наименование денежной единицы — в первом случае реальной, во втором — вымышленной); в структуру КВ введен неологизм (к слову *l’euro* добавляется начальная буква от прилагательного *nordique* (‘нордический’), и образуется новое слово *le neuro* с отрицательной коннотацией). Определение *нордический* ассоциируется с немецким нацизмом (ср. *нордический характер*). От исконного значения КВ осталась лишь сема замены чего-то прежнего чем-то новым, а вместо приветствия трансформ передает резко негативное отношение к случившемуся.

Н.Н. Лопатникова и Н.А. Мовшович называют прием образования новых слов, подобных *le neuro*, «телескопажем» (*le télescope*) [Лопатникова, Мовшович 2001], ссылаясь на французского лингвиста Л. Гильберта, который пишет, что благодаря телескопажу (‘взаимопроникновению’) соединяются два слова, выражающие смежные понятия [Guilbert 1975]. Неологизм *les eurofachos* (‘фашистские евро’), возникший на основе сложения далеких по значению слов, внедряется в трансформированное, но все же узнаваемое КВ, употребленное в другом французском издании: *L’euro est mort mais pas les eurofachos* (‘Евро умер, но не фашистские евро’). *Le système euro imposé à l’Europe il y a 20 ans pourrait exploser jeudi... à moins que l’Eurogroupe ne bascule définitivement dans l’eurofascisme* [<http://www.solidariteetprogres.org>, 19.07.2011]. Здесь автор прямо заявляет о своем негативном отношении к европейской валюте: Европа может скатиться в еврофашизм. В заголовке *L’euro est mort, vive l’eurofranc!* [Lemonde.fr, 29.09.2011], используя субституцию (меняя *le roi* на *l’euro*) и экспликацию путем прибавления существительного *franc* (‘франк’) к стержневому компоненту *l’euro*, журналист образует сложное слово *еврофранк*. В статье речь идет о том, что денежная единица *евро* имеет отличительные национальные черты в каждой стране, входящей в Евросоюз. КВ, сохраняя сему приветствия, приобретает новый смысловой оттенок: ‘Да здравствует еврофранк и ему подобные!’ Трансформированный лозунг приветствует одно из проявлений принципа Евросоюза «Единство в многообразии».

В публицистике России КВ *Le roi est mort! Vive le roi!* функционирует обычно на русском языке: *...он (Дмитриев) не только поносит экс-лидера (...), но и окольными путями лоббирует свое выдвижение на должность руководителя гражданской компании «Говори правду», пользуясь отсутствием последнего, который, якобы, отбыл в Польшу. А свято место пусто не бывает, тем более, если место такое теплое и сытное, а значит «Король умер, да здравствует король!»* [<http://www.predateli.com/index.php?>].

Разнообразным трансформациям подвергается только переводная форма КВ-галлицизма. Ср., например: *Кризис умер? Да здравствует кризис* [<http://www.gornovosti.ru>, 10.08.11]; *«Дорогой» рубль умер — да здравствует*

«дешевый» рубль [http://www.bankdirect.pro, 29.01.2014]. Высокая частотность употребления этого интернационального КВ в русской публицистике стала причиной для возникновения на его основе фразеологической серийности: модель «X умер (исчез, ушел). Да здравствует X!», сохраняя сему смены одного явления/предмета/правителя другим, допускает в качестве переменного компонента X лексему с любым значением: **Закон умер... Да здравствует закон?** (о законодательном признании частной собственности) [Известия, 14.06.2000]; **Шляпа умерла, да здравствует шляпа** [Т. Толстая о моде в эссе «Лилит», 1998]; **Алиев ушел, да здравствует Алиев!** (О новом хозяине Азербайджана, сыне бывшего Президента) [Время, 16.10.2003]; **«Першинг» умер. Да здравствует «Искандер»?** *Может ли Америка противостоять российской ядерной угрозе* (О перевооружении Российской армии) [Московский комсомолец, 21.08.2016] и пр. При этом все члены этой фразеологической серии сохраняют память о своем источнике и обладают какой-либо ярко выраженной коннотацией (одобрительной, осуждающей, иронической и пр.), которая зависит от интенции говорящего/пишущего и подсказывается контекстом или дискурсивной ситуацией.

В современном публицистическом дискурсе Европы и России активно используется главный лозунг Великой французской революции 1789 г. *Liberté, égalité, fraternité!* (Свобода, равенство, братство!). Наряду с инвариантом этого лозунга нередко встречаются и его трансформы»: **Macho Politico sur Canal+: liberté, fraternité, sexism** [Lefigaro. fr, 20.01.2016]; **Comment «liberté, égalité, fraternité» est devenu «libertarisme, égalitarisme, communautarisme»** [Lefigaro.fr, 20.11.2015].

В первом примере появление субститута *sexism* в ударной концевой позиции цепочки однородных членов лозунга, уже «потерявшего» компонент *égalité*, лишает КВ революционного пафоса, дискредитирует заложенные в нем идеологемы. В трансформе из второго примера компонент *fraternité* заменен лексемой, означающей 'общность', и каждый из 3-х компонентов нового состава КВ снабжен суффиксом *-isme*. Поскольку этот суффикс служит для образования не только абстрактных понятий, но и для номинации разных доктрин/учений [Лопатникова, Мовшович 2001: 96], значение трансформированного КВ изменяется: основополагающие принципы революции *свобода, равенство, братство* не прославляются: они представлены лишь как явления, изучаемые соответствующими доктринами.

Своеобразно использовала лозунг французской революции англоязычная газета «Метро», реагируя на страшный теракт, произошедший в Ницце 14 июля 2016 г., в день национального праздника Французской Республики: **Nice attack: World mourns Bastille Day terror victims with Liberte Egalite Fraternite** [Metro.co.uk, 15.07.2016]. Лозунг в заголовке лишен статуса предложения, а его компоненты выполняют роль однородных дополнений, на что указывает управляющий ими глагол вместе с предлог *with*. Заголовок констатирует: после теракта в Ницце мир оплакивает жертв вместе со свободой, равенством, братством, символом торжества которых стало когда-то взятие Бастилии.

Интересный пример с имплицитной формой данного КВ обнаружен нами в российской прессе: **Французская революция: свобода, искупленная кровью**

[РИА Новости, <http://www.ria.ru/radio>, 14.07.2014]. Публикация посвящена урокам Великой французской революции 1789 г. С одной стороны, автор прибегает к импликации КВ, а с другой, — к экспликации и грамматическим изменениям.

Сохранив из трех базовых компонентов инварианта лишь первый, журналист снабжает его обособленным определением *искупленная кровью*. Структурно преобразованное КВ, сохранившее из инвариантного состава лишь компонент-сигнализатор, актуализирует свою «генетическую память» благодаря контекстуальному соседству с оборотом *французская революция*. Трансформируя известный лозунг и возвращая читателя к породившим этот лозунг событиям, автору удается броско, неординарно выразить свою мысль: Франция заплатила кровью за принципы, которые провозгласила революция.

В условиях усиления террористической угрозы политиками, философами, государственными деятелями Европы и России лозунг Французской буржуазной революции переосмысливается; его принципы подвергаются детальному обсуждению. Современные авторы публицистических статей ищут границы допустимости свободы и равенства, сталкивают проблему братства с проблемой сохранения национальной идентичности и приходят к выводу о двусмысленности заложенных в ярком революционном лозунге принципов или о невозможности их реализации. Характерным образцом такого рода размышлений можно считать очерк К. Фюрста, опубликованный в интернет-издании “Freitag. Politik” 12.10.2015 г., начинающийся словами: ***Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit. Wir möchten das Gedankengut der europäischen Aufklärung in die Welt tragen. Doch die meisten dieser Ideen haben wir uns selbst noch nicht zu eigen gemacht*** [Fürst URL: <https://www.freitag.de/autoren/klausfuerst>]. В более резком тоне об интересующем нас лозунге рассуждает российский политолог Б.С. Петров:

*Возможны ли Свобода, Равенство, Братство? Этот привлекательный, яркий и звонкий лозунг (...) был подхвачен не только интеллектуалами, но и народными массами потому, что имел вполне конкретное содержание — против феодальной власти и идеологии феодализма, против церковного мракобесия, за развитие просвещения и научно-технического прогресса (...). И каков же общий итог? К сожалению, он не радует. Не дав сколько-нибудь заметного улучшения общего состояния человечества, эти идеи вызвали море крови, слез и страданий, не прекращающихся и до сих пор <...> Лозунг стал не нужен власть имущим, получившим свое, а поэтому постепенно стал лишен какого-либо конкретного содержания, замазлен, затаскан либо вообще выброшен в отвал истории (...). А как может быть иначе, если в современном мире миллиарды людей разделены множеством барьеров — политических, этнических, религиозных, идеологических, юридических, социальных, экономических и др. Какая уж тут свобода, какое равенство? А уж о братстве лучше вообще помолчать!* [Петров 2009 URL: <http://shkolazhizni.ru/world/articles/32217>].

Процесс вхождения новых французских КВ в русский язык и в языки Европы нельзя назвать активным. Но иногда событие, послужившее поводом для возникновения какого-либо национального оборота, вызывает огромный резонанс, и сообщения о нем вместе с КВ-неологизмом при современных системах связи сразу же становятся достоянием самого широкого круга коммуникантов, живущих

в разных странах и говорящих на разных языках. Таким событием во Франции стало убийство 12-ти сотрудников редакции сатирического журнала “*Charlie Hebdo*”, совершенное террористами. Ответной реакцией на теракт стал сочиненный художественным директором журнала Йоахимом Ронсаном слоган *Je suis Charlie* (*Я — Шарли*), который появился после кровавой расправы над журналистами на семи языках (в том числе на русском) в Twitter(e). Необычайно быстро он стал одним из самых популярных лозунгов защитников свободы слова во всем мире. В русском языке этот лозунг вполне прижился: он используется в калькированной форме (*Я — Шарли*). При этом компонент *Шарли* может подвергаться субституции, а вместо утверждения оборот способен выражать и отрицание (*Я — Шарли; Я — Беслан; Я — Луганск, но Я не Шарли!*). Судьба этого слогана-лозунга отнюдь не однозначна и требует особого исследования, которое еще предстоит выполнить.

Анализ функционирования галлицизмов лозунгового типа в публицистике современной Европы и России свидетельствует о том, что часть КВ французского происхождения приобрела интернациональный статус. В большинстве случаев журналисты трансформируют КВ-инвариант, руководствуясь лингвопрагматическими установками и учитывая то, что «трансформация является эффективным средством реализации публицистической экспрессии» [Макарова 2016: 196]. Но нельзя не заметить очевидного: британские СМИ сохраняют аутентичную форму КВ, что, возможно, сильнее привлекает внимание англоязычного читателя; российские публицисты предпочитают использовать кальки, а французские журналисты чаще прибегают к комплексным приемам преобразования КВ.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь КВ — это его функционирование в коммуникативном пространстве, где судьба любой языковой единицы зависит от многих факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. Рассмотренные КВ-лозунги появились во французском языке в разные исторические эпохи. Фраза *Le roi est mort! Vive le roi!* впервые прозвучала в 1422 г. во время коронации короля Генриха VII, последовавшей после кончины его отца, Генриха VI. *Liberté, égalité, fraternité!* — лозунг Французской буржуазной революции 1789 г. КВ *Je suis Charlie* возникло в январе 2015 г. Все КВ, неся отпечаток исторической эпохи, которая их породила, сегодня востребованы мировым сообществом. И если жизнь первых двух КВ можно считать довольно продолжительной, то какой будет судьба оборота *Je suis Charlie*, покажет время.

КВ — это особые сверхсловные языковые единицы, отмеченные печатью авторства, способные лаконично и точно выражать привлекательные для народных масс идеи, образно, эстетически безупречно оценивать события, вдохновлять людей на благородные поступки во имя великих целей.

Тенденции развития лингвистики и прагматические запросы общества свидетельствуют о своевременности появления науки о КЕ, которая позволяет увидеть в них не только специфические национальные свойства, но и то общее в мен-

тальности народов, живущих в разных странах и говорящих на разных языках, что их объединяет. Об этом свидетельствует, в частности, интернациональный фонд, органичной частью которого являются КВ-лозунги французского происхождения, судьба которых проанализирована в данной работе.

Исследования последних лет в области крылатологии и фразеологии, данные авторитетных фразеологических и этимологических словарей, говорят о том, что КВ по своим номинативным и изобразительным возможностям, а также по своей трансформационной активности не уступают безымянным фразеологизмам. Изучение с лингвокультурологических и лингвокогнитивных позиций различных разрядов КВ, в том числе КВ лозунгового типа, поможет постичь глубинные возможности систем языков-доноров, чьи единицы перешагнули национальные границы, и языков-рецепторов, обогащающихся за счет творчески освоенных заимствований.

© Шулежкова С.Г., Макарова А.С.

Дата поступления: 25.04.2016

Дата принятия в печать: 07.06.2016

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вальтер Х. (отв. ред.) (2016). Германия—Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса Germany—Russia: [*H. Walter Verbal and visual means of modern publicism*]: колл. монография. Greifswald: Ernst-Moritz-Armdt- Universität.
2. Дядечко Л.П. (2002). Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. [*Djadechko L.P. The winged units as subject of the linguistic description: history and contemporaneity*]. Киев: Киевский национальный ун-т.
3. Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А. (2001). Лексикология современного французского языка [*Lopatnikova N.N., Movshovich N.A. Lexicology of modern French language*]. М.: Высшая школа.
4. Макарова А.С. (2016). Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике [*Makarova A.S. Peculiarities of the catch-word units functioning in modern French and Russian publicism*]: дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН.
5. Петров Б.С. (2009). Возможны ли Свобода, Равенство, Братство? [*Petrov E.S. Is liberty, equality and fraternity possible?*]: <http://shkolazhizni.ru/world/articles/32217> (22.08.2016).
6. Шулежкова С.Г. (1995; 2002). Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. [*Shulezhkova S.G. The Russian catch-word units, their sources and development*]. Челябинск: «Факел»; М.: «Азбуковник».
7. Шулежкова С.Г. (гл. ред.) (2015). Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности [*Shulezhkova S.G. The publicism's arsenal of the social movements in Russia and Germany. Verbal means of the conflict's negotiations and the attainment of the tolerance*]: колл. моногр. Магнитогорск: Дом печати; Greifswald: Ernst-Moritz-Armdt-Universität.
8. Chlebda W. (2005). Szkice o skrzydlatych słowach: interpretacje lingwistyczne. Opole: Uniwersytet Opolski.
9. Fürst K. (2015). Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit: <https://www.freitag.de/autoren/klausfuerst> (22.08.2016).
10. <https://www.freitag.de/autoren/klausfuerst> (21.08.2016).



11. <http://www.bankdirect.pro> (14.08.2016).
12. <http://www.LeFigaro.fr> (21.01.2015).
13. <http://www.gornovosti.ru> (14.08.2016).
14. <http://www.lemonde.fr> (21.01.2015).
15. <http://www.myeurop.info> (06.05.2014).
16. <http://www.predateli.com/index.php?> (21.08.2015).
17. <http://www.solidariteetprogres.org> (23.02.2015).
18. [Metro.co.uk](http://Metro.co.uk) (12.08.2016).

## **FRENCH WINGED UNITS IN THE INTERNATIONAL BLOCK OF SLOGANS OF MODERN EUROPE AND RUSSIA**

**S.G. Shulezkova**

Nosov's Magnitogorsk State Technic University  
38, *Lenin's av.*, Magnitogorsk, 455000, Russia  
*shulezkova@gmail.com*

**A.S. Makarova**

St. Tikhon's Orthodox University  
23/Б, *Novokuznetskaya st.*, Moscow, 115184, Russia  
*aleste\_63@mail.ru*

French winged units which are in the international block of the slogans of modern Europe and Russia are in the center of the attention of the authors article. 90 % of the krylatology — discipline formed in 1990—2000 based on lexicography description of the words and phrases noticed by “authority mark” and development of phraseology as a science of overword language units are winged units. The language status of the winged units accomplishing predicative function in the speech stream is one of the most important problems of the krylatology. The analysis of the functional potential of the winged units and their transformative modifications in the communicative space of modern Europe and Russia promotes the solution of this problem. Gallicisms of the slogan character which are very widely used in the Old World’s publicism and in the Russian political discourse are beneficial material for such research. After stepping over the French border in transliterated and trace form these winged units keep traits of the French culture, “remind” of the events caused them to life. However varying with their structure, playing with different borders of their semantics they witness not only about their national language status as winged units but also about belonging to the international winged units-slogans.

**Key words:** winged unit, krylatology, slogan, transformation, international